

Е. Э. Дробышева²

АПОЛОГИЯ УМЕСТНОСТИ В ПРОСТРАНСТВАХ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Проблематика взаимоотношений *своих* и *чужих* в пространстве человеческого *обще-жития* всегда актуальна. В какое бы время, в каких бы исторических условиях ни жил человек, процессы самоидентификации всегда разворачиваются в этой системе координат.

---

² Профессор кафедры социально-культурного сервиса и туризма Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор философских наук. Автор 83 научных публикаций, в т. ч.: «Аксиология постмодерна: ирония», «Архитектоника культуры в аксиологическом измерении», «Роль концепта “архитектоника культуры” в социогуманитарной исследовательской парадигме», «Актуальная культура: сетевой режим», «Поколение как фактор культурной архитектоники». Член Санкт-Петербургского философского общества, Российского культурологического общества.

Сегодняшний мир как никогда преподносит нам массу информационных поводов, актуализирующих данный бинарный архетип. Несмотря на набирающие силу глобализационные и мультикультуралистские тенденции, говорить об их тотальности категорически не приходится. В противовес им активизируются фундаменталистские и глокализационные процессы, подчас пугая цивилизованный мир дыханием хтонических глубин коллективной исторической памяти.

В рамках предложенной к обсуждению темы представляется интересным остановиться на феномене собственно *своего*, а также роли данного концепта в процедурах самоидентификации субъекта, понимаемого предельно расширительно — как личности и/или культурной общности. Кто мы? Откуда и куда идем? Есть ли место на планете, где мы уместны? Эти и подобные

им вопросы вызывают постоянный интерес у нашего современника, невзирая на происходящие с ним исторические изменения.

Уместность (или вернее *у-местность* в значении совпадения с местом, топосом), на наш взгляд, — одна из важнейших аксиологических констант, определяющих ощущение человека в мире, — человека как носителя этнических, религиозных, ментальных, поколенческих ценностей и устоев. Картина мира, мировоззренческий микрокосм, архитектоника социокультурного пространства — все эти универсалии опираются на ощущение и переживание у-местности себя, своего рода и народа, социальной общности любого порядка в предлагаемых пространственно-временных обстоятельствах.

Толковые словари объясняют существительное «уместность» через прилагательное «уместный»: «Значение слова *уместный* по Ефремовой: 1. Соотносящийся по знач. с сущ.: место, связанный с ним. 2. Вполне соответствующий месту, обстановке. Значение слова *уместный* по Ожегову: Соответствующий обстановке, сделанный кстати. Значение слова *уместный* по словарю Ушакова: уместный, уместная, уместное; уместен, уместна, уместно. Вполне соответствующий обстановке, являющийся вполне кстати, вовремя»¹.

Таким образом, мы имеем по меньшей мере две константные характеристики, через которые определяется *уместность* — *место* и *время*. Вполне очевидный, если не сказать банальный, промежуточный тезис. Однако если перевести разговор в плоскость культурфилософской рефлексии, данная очевидность отступит перед безграничным пространством интерпретаций, гиперссылкой, метафизических поворотов и эмпирических находок.

Для русского человека проблема у-местности особенно остра. Видимо, действительно существует какая-то историческая предпосылка, высший промысел о судьбе народа. Многие из нас, бывая в дальних странах, отмечали, как люди, живущие там, гордятся и любят свою землю — без надрыва и патетики, без государственного организующего начала и — самое главное — без явных для чужеземца на то причин. Общим местом для всех посещающих Финляндию является признание того, что финны «любят свою среду обитания» (цитирую слова гида, схватившего, как мне кажется, саму суть этой самой любви — не официальной, но и не романтической, вполне себе утилитарной и обыденной, но совершенно точно имеющей своим истоком укорененность — в буквальном смысле этого подзабытого слова).

Перенесемся из Северной Европы в Южную и наблюдаем за греками, итальянцами, испанцами. Как трогательно ухаживают они за своими, чаще всего небольшими, участками земли! Какой теплотой и постоянством веет от вечерних ритуалов, когда все население городка выходит на улицы и находит себе занятие — в разговорах, играх, кофе- и винопитиях, совместных просмотрах спортивных передач и бесконечных разговорах в барах и кофейнях. Для контраста

возьмем в пример туристские впечатления от посещения Азии. Везде мы увидим впечатляющие примеры совпадения людей с местом и временем своего земного пребывания.

Не то что в России. Да, безусловно, проблема дворцов и трущоб — неизбывная для всех стран. Практически всюду в стороне от парадных «открыточных» видов мы обнаружим и мусор, и не самые ухоженные территории. Но именно в нашей стране, так трудно и странно любимой народом, явно прочитывается вся гамма чувств, переживаемых человеком, чувствующим себя не вполне у-местным, причем как собственно месту (топосу), так и времени. Крайне редко встречаем мы ухоженные территории за пределами границ личных владений или городских пространств, находящихся в ведении казенных структур. Нет и объединяющей культуры совместного социального бытия. Забыты традиции парковых и уличных гуляний, не видно в кафе и барах не то что пенсионеров, но и людей среднего возраста. Контрастными ностальгическими нотками выглядят усилия отдельных (чаще пожилых) жильцов многоквартирных домов, обустривающих трогательные палисадники под окнами своих квартир на первых этажах. Тем явственнее на их фоне выглядит общепринятая практика отношения к городской среде — чаще потребительская, в лучшем случае — равнодушная.

Особенно ярко и выразительно о проблеме у-местности, укорененности, приютности высказываются писатели и поэты. Тема совпадения человека со своим временем и/или местом проживания (в идеале — с тем и другим, что убедительно схвачено М. М. Бахтиным в концепте *хронотоп*) дает поистине безграничное пространство для художественных экспликаций.

Всем еще со школьной скамьи известны сложные и изматывающие отношения Гоголя с Россией и Петербургом. Как писал Н. П. Анциферов, «перед Гоголем беспредельно раскинулась необъятная Русь, любимая и мучительная. В сладостном вихре носится по ее бесконечным просторам обвеванный буйным ветром, тоскующий по высшим формам бытия дух»².

А вот и знаменитый пассаж из «Мертвых душ» самого Гоголя: «Русь! Русь! Бедно, разбросано и *неприютно* (курсив мой. — Е. Д.) в тебе; открыто-пустынно и ровно все в тебе... ничто не обольстит и не очарует взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне?.. И еще полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онемела мысль перед твоим пространством. Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда сама ты без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему? И грозно объемлет меня могучее пространство, страшною силою отразая во глубине моей; неестественной

¹ Общий толковый словарь русского языка. URL: <http://tolkslovar.ru/u1816.html>

² Анциферов Н. П. «Непостижимый город...» Душа Петербурга. СПб.: Лениздат, 1991. С. 67–74. URL: <http://literatura5.narod.ru/anziferof.html#1>

властью осветились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль. Русь!»¹.

Вот и еще одно суждение Гоголя, теперь уже конкретно — о Петербурге: «На Невском все обман, все мечта, все не то, чем кажется»². И разительным контрастом выглядят слова писателя о стране, в которой он был счастлив и, очевидно, у-местен: «Италия! Она моя!.. Россия, Петербург, снега, подлещы, департамент, кафе-

дра, театр — все это мне снилось. Я проснулся опять на родине...»³ «Родину души своей я увидел, где душа моя жила еще прежде меня, прежде чем я родился на свет!»⁴

Как нам кажется, тема у-местности, обозначенная в данном формате, требует отдельного и пристального исследования. Сегодня жить в положении иванов, не помнящих родства, не просто беспечно, а буквально разрушительно.

¹ Гоголь Н. В. Мертвые души. URL: http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0140.shtml

² Гоголь Н. В. Невский проспект. URL: http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0090.shtml

³ Из письма Гоголя к В. А. Жуковскому (30 октября 1837 г.). Цит по: Анциферов Н. П. Указ. соч.

⁴ Из письма Гоголя к М. П. Балабиной (апрель 1838 г.). Цит. по: Анциферов Н. П. Указ. соч.